

Евгений Лукин, Любовь Лукина

Ты, и никто другой

*Часть сборника
Труженики зазеркалья (сборник)*

Евгений Лукин

Ты, и никто другой

«Автор»

1981

Лукин Е. Ю.

Ты, и никто другой / Е. Ю. Лукин — «Автор», 1981

Андрей Складов – монтажник сцены в театре провинциального городка. Молодой еще мужчина решил что жизнь его закончена, махнул на себя рукой и потихоньку спивается. Но, в подвале театра, в одном из кирпичных «карманов», среди сваленного отработанного реквизита, Андрей обнаружил «окно» в другой мир.

© Лукин Е. Ю., 1981

© Автор, 1981

Любовь Лукина, Евгений Лукин

Ты, и никто другой

Светлой памяти Сережи Пчелкина

Монтировщики посмотрели, как уходит по коридору Андрей, и понимающе переглянулись.

– Она ему, наверное, сказала: бросишь пить – вернусь, – поделился догадкой Вася-Миша.

– Слушай, – встрепенулся Виталик, – а что это он в театре ночует? Она ж квартиру еще не отсудила.

– Отсу-удит, – уверенно отозвался два года как разведенный Вася-Миша. – Все они...

* * *

Андрею показалось, что левая фурка просматривается из зала, и он толчком ноги загнал ее поглубже за кулисы. Низкий дощатый помост, несущий на себе кусок дачной местности, отъехал на метр; шатнулся на нем тополек с листьями из клеенки, закивала гнутой спинкой кресло-качалка.

До начала вечернего спектакля оставалось около трех часов. Андрей вышел на середину сцены, присел на край письменного стола и стал слушать, как пустеет театр.

Некоторое время по коридорам бродили голоса, потом все стихло. Убедившись, что остался один, Андрей поднялся, и тут его негромко окликнули.

Вздрогнул, обернулся с напряженной улыбкой.

Возле трапа, прислонясь плечом к порталу, стояла Лена Щабина. Красиво стояла. Видимо, все это время она, не меняя позы, терпеливо ждала, когда Андрей обратит на нее внимание.

Тоскливо морщась, он глянул зачем-то вверх, на черные софиты, и снова устроился на краешке.

Лена смотрела на него долго. Уяснив, что со стола он теперь не слезет, оторвала плечо от портала и замедленной, немного развинченной походкой вышла на сцену. Обогнула Андрея, задумчиво провела пальчиком по кромке столешницы и лишь после этого повернулась к нему, слегка склонив голову к плечу и вздернув подбородок.

– Говорят, разводишься? – Негромкая, подчеркнуто безразличная фраза гулко отдалась в пустом зале.

Андрей мог поклясться, что уже сидел вот так посреди сцены, и подходила к нему Лена Щабина, и задавала именно этот вопрос.

– Ты-то тут при чем?..

– Хм... При чем... – задумчиво повторила она. – При чем?

Словно подбирала вслух нужную интонацию.

– При чем!.. – выговорила она в третий раз. – Так ведь я же разлучница! Змея подколотая. А ты разве еще не слышал? Оказывается, я разбила твою семью!

Голос Лены был чист, звонок и ядовит.

«Ну вот... – обреченно подумал Андрей. – Сейчас она за все со мной расквитается... За все, в чем был и не был виноват. Прямо обязанность какая-то – расквитаться за все. Главное, что она от этого выиграет? Зачем ей это надо?..»

– Ну и зачем мне это надо? – словно подхватив его мысль, продолжала тем временем Лена. – Почему я должна впутываться в чьи-то семейные дразги? Твоя история уже дошла до

директора и, вот посмотришь, он обязательно воспользуется случаем сделать мелкую гадость Михал Михалычу!..

– Михал Михалычу? – не понял Андрей. – Он что, тоже разлучник?

– Но я же его сторон-ница! – негодуяще воскликнула она.

Тут только Андрей обратил внимание, что Лена ведет разговор, почти отвернувшись. Обычно она стояла вполоборота или в три четверти к собеседнику, помня, что у нее тонкий овал лица. Сейчас она занимала самую невыгодную позицию – в профиль к Андрею. Внезапно его осенило: Лена Щабина стояла вполоборота к пустому зрительному залу.

– Так чем я могу помочь тебе, Лена? – И Андрей понял, что тоже подал реплику в зал.

«Сейчас сорвем аплодисменты...»

– Ты должен вернуться к семье, – твердо сказала она.

– Что я еще должен?

Лена наконец обернулась.

– Что ты делаешь? – прошептала она, и глаза ее стали проникновенными до бессмысленности. – Зачем тебе все это нужно? У тебя жена, ребенок...

Андрей опустил голову и незаметно повернул левую руку так, чтобы виден был циферблат. До начала спектакля оставалось чуть больше двух часов.

– ...цветы ей купи, скажи, что пить бросил. Ну что мне тебя, учить, что ли?

– Ты не в курсе, Лена, – хмуро сказал он. – Это не я, это она от меня ушла. Забрала Дениса и ушла.

Лена опечалилась.

– Тогда... – Она замялась, опасливо посмотрела на Андрея и вдруг выпалила: – Скажи, что во всем виновата теща!

– Кому? – удивился он.

– Н-ну, я не знаю... Всем. К слову придется – ну и скажи. Сам ведь жаловался, что теща...

Андрей молча смотрел на нее.

– Я нехорошая, – вызывающе подтвердила Лена. – Я скверная. Но, если ты решил красиво пропадать, компании я тебе не составлю. Нравится быть ничтожеством – будь им! Будь бездарностью, вкалывай до конца жизни монтировщиком!.. А моя карьера только начинается. Ты же мне завидуешь, ты... Ты нарочно все это затеял!

– Развод – нарочно?

Лена и сама почувствовала, что зарвалась, но остановиться не могла. Не думая уже о выгодных и невыгодных ракурсах, она уперла кулаки в бедра и повернулась к Андрею искаженным от ненависти лицом.

– Спасибо! Сделал ты мне репутацию! Нет, но как вам это нравится: я разбила его семью! Да между нами, можно сказать, ничего и не было!..

– Да, – не удержался Андрей. – Недели две уже.

* * *

Здание театра было выстроено в доисторические, чуть ли не дореволюционные времена по проекту местного архитектора-любителя и планировку имело нестандартную. Неизвестно, на какой репертуар рассчитывал доисторический архитектор, но только сразу же за сценической коробкой начинался несуразно огромный и запутанный лабиринт переходов и «карманов». В наиболее отдаленных его тупиках десятилетиями пылились обломки старых спектаклей.

Пьющий Вася-Миша божился, что там можно неделями скрываться от начальства. Насчет недели он, положим, преувеличивал, но были случаи, когда администратор Банзай,

имевший заветную мечту поймать Васю-Мишу с поличным, в течение дня нигде не мог его обнаружить.

Острый на язык Андрей пытался прилепить за это Васе-Мише прозвище Минотавр, но народу кличка показалась заумной, и неуловимый монтировщик продолжал привычно отзываться и на Мишу, и на Васю.

* * *

Шаги разгневанной Лены Щабиной сухими щелчками разносились в пустых коридорах театра.

Андрей достал сигарету, заметил, что пальцы у него дрожат, и, не закурив, отшвырнул. Полчаса! Если и ненавидеть за что-либо Лену Щабину, то именно за эти отнятые полчаса.

Он прислушался. Ушла, что ли? Ушла...

Андрей миновал пульт помрежа и неспешно двинулся вдоль туго натянутого полотна «радиуса», пока слева в сером полумраке не возникло огромное темное пятно – вход на склад декораций. Не замедляя шага, он вступил в крошечную черноту и пошел по центральному коридору, который монтировщики окрестили на шахтерский манер «стволом». Потом протянул руку, и пальцы коснулись кирпичной стены.

Оглянулся на серый прямоугольник входа. Разумеется, никто за ним не шел, никто его не выслеживал, никому это не было нужно.

Крайнее правое ответвление «ствола» – темное, заброшенное – издавна служило свалкой отыгравших декораций. Андрей свернул именно туда.

В углу «кармана» он ощупью нашел кипу старых до трухлявости щитов, за которыми скрывался вход в еще один «карман», ни на одном плане не обозначенный. Андрей протиснулся между щитами и стеной. Остановился – переждать сердцебиение. Потом поднырнул под горбатый фанерный мостик.

...На полу и на стенах каменной коробки лежал ровный зеленоватый полусвет. По углам громоздились мохнатые от пыли развалины деревянных конструкций. А в середине, в метре над каменным полом, парил в воздухе цветной шар света, огромный одуванчик, округлое окно с нечеткими и как бы размытыми краями. Словно капнули на серую пыльную действительность концентрированной кислотой и прожгли насквозь, открыв за ней иную – яркую, ясную.

И окно это не было плоским; если обойти его кругом, оно почти не менялось, оставаясь овалом неправильной формы. Окно во все стороны: наклонись над ним – увидишь траву, мурашей, заглянешь снизу – увидишь небо.

Со стороны фанерного мостика просматривался кусок степи и – совсем близко, рукой подать – пластмассовый, словно игрушечный коттеджик, избушка на курьих ножках. Строе- ньице и впрямь стояло на мощном металлическом стержне, распадающемся внизу на три мощ- ных корня. Или когтя.

Ветер наклонял траву, и она мела снизу ступеньку висячего крылечка-трапа.

Девушка сидела, склонив голову, поэтому Андрей не видел ее лица – только массу свет- лых пепельных волос.

Не отводя глаз от этого воздушного окошка, он протянул руку и нащупал полуразвалив- шийся трон, выданный им вчера из общей груды хлама и установленный в точке, откуда видно коттеджик, крыльцо, а когда повезет – девушку.

Она подняла голову и посмотрела на Андрея. И он опять замер, хотя еще в первый раз понял, что увидеть его она не может.

* * *

Однажды вечером после спектакля они разбирали павильон, и мимо Андрея пронесли круглый проволоочный куст, усаженный бумажными розами. В непонятной тревоге он проследил, как уплывает за кулисы этот шуршащий ворох причудливо измятой грязновато-розовой тонкой бумаги – и вдруг понял, что все кончено.

Это было необъяснимо – ничего ведь не произошло... Правда, эпизодическую роль передали другому – недавно принятому в труппу молодому актеру... Правда, висел вторую неделю возле курилки последний выговор за появление на работе в нетрезвом виде... Правда, жена после долгих колебаний решилась-таки подать на развод... Неприятности. Просто неприятности, и только. Поправимые, во всяком случае, не смертельные.

Но вот мимо пронесли этот проклятый куст, и что-то случилось с Андреем. Вся несложившаяся жизнь – по его вине не сложившаяся! – разом напомнила о себе, и спастись от этого было уже невозможно.

...Рисовал оригинальные акварельки, писал дерзкие, благозвучные, вполне грамотные стихи, почти профессионально владел гитарой, пел верным тенорком свои и чужие песни... С ума сойти! Столько талантов – и все одному человеку!..

– Андрей, ну ты что стоишь? Помоги Сереге откосы снять...

...Как же это он не сумел сориентироваться после первых неудач, не сообразил выбрать занятие попроще и понадежнее? Ах, эта детская вера в свою исключительность! Ну, конечно! Когда он завоеует провинцию, столица вспомнит, от кого отказалась!.. Отслужил в армии, устроился монтировщиком в городской театр драмы, где при возможности совершал вылазки на сцену в эпизодах и массовках... Это ненадолго. На полгода, не больше. Потом его заметят, и начнется восхождение...

– Ты что все роняешь, Андрей? После вчерашнего, что ли?

...Первой от иллюзий излечилась жена. «Ой, да брось ты, Лара! Тоже нашла звезду театра! Вбегает в бескозырке: „Товарищ командир, третий не отвечает!“ Вот и вся роль. Ты лучше спроси, сколько эта звезда денег домой приносит...»

...Менялась репутация, менялся характер. Андрей и раньше слыл остряком, но теперь он хохмил усиленно, хохмил так, словно хотел утвердить себя хотя бы в этом. Шутки его, однако, из года в год утрачивали остроту и становились все более сальными...

...Машинально завяз в монтировщиках. Машинально начал выпивать. Машинально сошелся с Леной Щабиной. Два года жизни – машинально...

– Нет, мужики, что ни говорите, а Грузинов ваш – редкого ума идиот! Я в оперетте работал, в тюзте работал – нигде больше щиты на ножки не ставят, только у вас...

Сегодня утром он нашел на столе записку жены, трясясь с похмелья прочел – и остался почти спокоен. Он знал, что разрыв неизбежен. Случилось то, что должно было случиться...

Но вот пронесли этот безобразный венок, и память предъявила счет за все. Она словно решила убить своего хозяина...

Монтировщики разбирали павильон, профессионально, без суеты раскрепляли части станка, перевертывали щиты, выбивали из гнезд трубчатые ножки. Громоздкие декорации к удивительной печальной сказке со счастливым, неожиданным, как подарок, концом; сказке, в которой Андрей когда-то мечтал сыграть хотя бы маленькую, в несколько реплик, роль...

Все! Нет больше Андрея Склярова! Нету! Истратился! Это не павильон – это разбирали его жизнь, нелепую, неполучившуюся.

Андрей уронил молоток и побрел со сцены с единственным желанием – уйти, забиться в какую-нибудь щель, закрыть глаза и ничего не знать...

Он пришел в себя в неосвещенном заброшенном «кармане» среди пыльных фанерных развалин, а прямо над ним, лежащим на каменном полу, парил огромный синий одуванчик, слегка размытый по краям овал неба, проталина в иной мир.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.